

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ЭСТОНИИ

Автор: Е. ХЕЛЕМЯЭ, Р. ВЕЭРМАНН

ХЕЛЕМЯЭ Елена, ВЕЭРМАНН Рейн - кандидаты философских наук, сотрудники Института международных и социальных исследований Таллиннского университета (E-mail: helemae@iiss.ee; voormann@iiss.ee).

Аннотация. Авторы анализируют социальное расслоение в Эстонии в зеркале общественного мнения двух этнических групп - эстонцев и русских. В качестве оснований поиска выступают изменение социально-политического статуса этнических групп, проблематичное социально-экономическое положение русских по сравнению с эстонцами. Кроме того, для русских - представителей более коллективистской культуры, характерной считается более эгалитарная ментальность. Выяснилось, что сложившаяся в результате трансформации модель социального расслоения не является легитимной с точки зрения и эстонцев, и русских. Своеобразие этой логики зависит скорее от опыта трансформации, чем от различий в базовых культурных ценностях.

Ключевые слова: социальная стратификация * статус этнических групп * ментальность * культурные ценности * общественное мнение

Одним из важнейших оснований вариативности суждений об обществе принято считать социальное положение индивида. Обоснований дифференцирующей роли социального положения приводится множество, всех их объединяет эмпирически подтвержденная закономерность: "индивид воспринимает распределение социальных благ - дохода, статуса, социальной "значимости" или престижа - в соответствии с тем, какое количество этих благ он имеет в своем распоряжении" [1]. При обосновании влияния социального положения на восприятие общественного устройства исходят из важности (а) личного опыта, (б) опыта ближайшего окружения, а также (в) того, как этот (личный и ближайшего окружения) опыт соотносят с господствующими в обществе представлениями об иерархии социальных групп.

Так, в соответствии с тезисом о "проигравших" ("underdog") индивиды, (объективно) принадлежащие или (субъективно) относящие себя к низшим социальным слоям, экстраполируют свой опыт на общество и воспринимают его как более неравное по сравнению с теми, у кого возможностей больше и условия жизни благоприятнее [2].

Согласно логике приверженцев теории референтной группы, значимость личного опыта как бы усиливается вследствие его схожести с опытом ближайшего окружения. В результате респонденты склонны переоценивать количество "подобных их окружению" людей: чем больше (в действительности или по собственной оценке) в распоряжении индивида ресурсов, тем более широко представленными считает он в обществе ("свои") слои, соответственно и тем более эгалитарным видится ему общество.

Исследования показали также важность влияния разделяемых в обществе представлений о том, как именно определенные группы упорядочены в некую социально-экономическую иерархию данного общества [3]. При этом разделяемые в обществе представления выполняют роль "прокрустовых" рамок, необходимых для согласования всех этих оценок опыта и мнений в связную картину.

В соответствии с другими подходами в современном обществе различия во мнениях более не связаны с социально-экономическим положением индивида, с его классовой принадлежностью. Так, в западных обществах широко обсуждалась тема уменьшения роли классов в стратификации общества [4]. Соответственно ставилось под сомнение и наличие классового сознания и даже различий в ценностных ориентациях и установках у представителей различных социально-экономических групп. Эти подходы в известной мере перекликались с установкой советской идеологии на "отмирание классов". Однако эмпирические исследования как на Западе, так и на Востоке Европы показали, что слухи о смерти классов, в том числе и в части стирания различий в мировоззрении, оказались преждевременными. В то же время выяснилось, что большего, чем прежде, внимания заслуживают особенности мировосприятия таких "внеклассовых" сообществ как различающиеся по полу, национальности, возрасту группы. В целом результаты исследований свидетельствуют о том, что дифференциация представлений об обществе зависит как от реальной ситуации, так и от того, как она интерпретируется в общественной дискуссии [5]. Чем явственней в общественной практике проявляются социально-экономические, а также этнические различия и/или чем последовательнее признается дифференциация интересов соответствующих социально-экономических и этнических групп, тем больше вероятность обнаружения определенных различий и в восприятии общества этими группами.

Поскольку в данной статье исследуется вопрос об особенностях восприятия общества этническими группами, столкнувшимися в недавнем прошлом с резкими изменениями как социально-экономической, так и этнической иерархий, то ситуация в Эстонии представляет собой своего рода "экспериментальный тест" изложенных выше теорий. Рассмотрим, насколько актуальны применительно к Эстонии изложенные предпосылки.

Социально-экономическое положение русских

Условием экономического развития Эстонии в годы советской власти были привозимое сырье и ввозимая рабочая сила. В связи с этим большинство русских людей,

населяющих сейчас республику, прибыло сюда либо непосредственно перед войной, либо после ее окончания. Если по данным переписи населения 1934 г. русские составляли 8,2% населения страны, то в 1959 г. уже 20,1%, а в 1989 г. - 30,3% [6].

Экономика и соответственно рабочая сила делились на так называемую общесоюзную и местного (республиканского) подчинения. Институционально-бюрократическое разделение закрепило и этнически: эстонцы работали на предприятиях местного подчинения, а русские (русскоязычные) - на так называемых общесоюзных предприятиях, многие из которых относились к военно-промышленному комплексу. Последние были приоритетными, что практически автоматически повышало статус их работников в социально-экономической иерархии.

С восстановлением независимости в 1991 г. и переводом экономики на рыночные отношения ситуация на рынке труда резко изменилась. Как показали исследования, соотношение рисков и возможностей оказалось для русских более проблематичным, чем для эстонцев: уровень безработицы и риск нисходящей мобильности среди русских выше, зарплата же и возможности восходящей мобильности ниже [7]. Объясняется это как выбором экономической модели (переориентация на Запад и отказ от приоритетного развития промышленности), так и введением институциональных правил, уменьшивших конкурентоспособность русскоязычных работников (высокие институционализированные требования к владению государственным языком, распространение их на широкий круг профессий, трудности получения эстонского гражданства и т.д.). Реализация этих правил, усугубленная как географической, так и социально-экономической и образовательной этнической сегрегацией, имела свои последствия.

Восстановление независимости Эстонии означало для русскоязычных людей и существенный сдвиг в их социально-политическом статусе: группа, язык которой само собой разумеющимся образом считался языком "вненациональной" общности - советского народа, оказалась меньшинством в небольшом национальном государстве. Такой опыт жизни в восстановленной Эстонской республике предположительно отражается в более критическом, чем у эстонцев, восприятии общества.

Что касается представлений о культуре, то логично предположить, что идеал русских как носителей коллективистской культуры будет эгалитарнее идеала эстонцев как представителей индивидуалистской культуры. С другой стороны, есть теории, согласно которым люди формируют представление о том, как "должно быть" в соответствии с тем, "как есть" [8]. Если ее последователи правы, то среди и русских, и эстонцев должно (в равной степени) преобладать не критичное восприятие действительности. Анализ же эстонско- и русскоязычной прессы за 1995 - 2005 гг. показал, что публикации, посвященные социальной справедливости и экономическому неравенству, отличались (вне зависимости от языка) критической направленностью [9]. При этом в русскоязычной прессе дополнительной темой является проблематика (не)справедливости по отношению к национальным меньшинствам: тема справедливости социально-экономического расслоения общества прямо соотносится с проблематикой этнического расслоения. Можно предположить, что не только личный опыт, но и русскоязычный дискурс как предлагающий определенную схему интерпретации личного опыта, способствуют формированию у русских более критичных по сравнению с эстонцами представлений об обществе.

Судя по данным исследований образовательной когорты в 1998 г. и всего населения в 2001 г., модель общества в независимой Эстонии воспринималась как противоречащая ожиданиям и эстонцев, и русских. При этом в случае всего населения представления эстонцев и неэстонцев как об идеальном, так и о существующем обществе практически совпадали. В случае "когорты" идеалы эстонцев и неэстонцев также не отличались, однако существующее общество представлялось неэстонцам элитарнее, чем эстонцам [10]. На результаты анализа данных 2005 г. может повлиять (в сторону снижения критичности) значительное улучшение общей ситуации на рынке труда по сравнению с 2001 г.

Влияние этнической сегментации эстонского общества на представления о нем скорее всего аналогично эффекту референтной группы. В случае эстонцев мы предполагаем типичный эффект: преувеличение значимости "своего" социального слоя в модели общества (чем выше себя располагают в иерархии, тем более эгалитарным представляется общество). В случае русских эффект может быть иным: социально-экономическая самооценка (оценка собственной успешности) может соотноситься с оценкой успешности своей этнической группы. Поскольку неэстонцы/русские, судя по результатам исследования, осознают, что виды на успех у них скромнее, чем у эстонцев, они могут преувеличивать значимость не столько своего, сколько расположенных немного выше слоев ("такие, как я, эстонцы, расположены в иерархии выше, чем такие, как я, русские"). В таком случае хотя и у русских, и у эстонцев будет с более высоким статусом сочетаться представление о большей эгалитарности общества, однако при равной самооценке социального статуса русские могут считать общество даже более эгалитарным, чем эстонцы.

Изложенные гипотезы проверялись нами данными исследования "Социальная справедливость в Эстонии: новые поколения - новые представления". Выборка была репрезентативной в отношении трудоспособного (15 - 74 лет) населения. Результаты получены в ходе очных интервью на эстонском либо русском языке. В выборке представлены и другие этнические группы, но в данной статье осуществляется сравнительный анализ представлений только эстонцев и русских. Для изучения восприятия социальной стратификации используется *визуальный подход*: явление, восприятие которого изучается, изображено в виде рисунков, и респондента просят указать, какой из них больше совпадает с его представлением о данном явлении. Этот метод, распространенный в психологии [11], нашел применение также в социологии, в частности, при изучении социальных классов [12]. Названный подход используется при ответе на вопрос "Каким люди представляют себе социально стратифицированное общество?". В разработанной Эвансом и его коллегами методике наиболее важной отличительной чертой моделей общества является представленность в них среднего класса. Определены следующие типы моделей. Тип А. Самый элитарный тип общества, в котором властвует малочисленная элита, на средних позициях немногие, а основная масса людей находится на нижних позициях социальной иерархии общества. Неравенство в таком обществе особенно велико. Тип В. Несколько менее элитарное общество: хотя элита и малочисленна, уже значительно больше людей находится на средних, большинство - же на нижних ступенях. Тип С характеризует общество, в котором основная масса людей находится на средних позициях или чуть ниже. Отличается от типа В тем, что на самых низких ступенях находится значительно меньше, а на средних соответственно больше людей. Тип D представляет собой эгалитарное общество - малочисленны как элита, так и основание общественной пирамиды. Большинство людей занимают средние позиции. Неравенства в таком обществе почти нет. **Тип Е** - самое эгалитарное общество, где большинство людей занимает позиции либо вблизи элиты (этим данный тип отличается от D), либо в середине общественной пирамиды, а на нижних позициях находится очень мало людей.

Респондентам было предложено оценить, какой тип наиболее точно, по их мнению, отображает социальное расслоение (а) современного (на момент опроса) общества, и какой (б) был бы для Эстонии наилучшим, т.е. ближе всего к их представлению об идеальном обществе. При исследовании зависимости *представлений об эстонском обществе от этнической принадлежности и социального положения* к элитарным отнесены общества типов А и В, к эгалитарным - D и Е. Из характеристик *социального положения* наибольший интерес для данного анализа представляют субъективный социальный статус и последствия социальной трансформации для данного конкретного индивида - самооценки успешности. Оценка своего социального положения осуществлена на шкале от 1 (низшая ступень иерархии) до 10 (высшая). Респонденты, отметившие цифры от 1 до 4, отнесены в рамках данного анализа к низкому социальному статусу, от 5 до 6 - к среднему, а от 7 до 10 - к высокому. При измерении *само-*

оценки последствий социальной трансформации для конкретного индивида наряду с категориями "выиграл", "проиграл" были введены варианты "ни то, ни другое" (к ним мы причислили и тех, кто затруднился ответить на этот вопрос), а также "молодые" - респонденты, которые в силу возраста не имели соответствующего индивидуального опыта (т.е. все, кто к началу 2005 г. был младше 30 лет).

Учтено также объективное социально-экономическое положение (образование, профессиональный статус, доход) опрошенных. Для обозначения образования используется трехбалльная шкала: (1) основное или ниже, (2) среднее, (3) высшее. Профессиональный статус на момент опроса измеряется по четырехбалльной шкале: (1) высшие белые воротнички (в соответствии с Международной стандартной классификацией профессий МККП-88 - ISC088: руководители и специалисты высшей квалификации), (2) низшие белые воротнички (специалисты средней квалификации, служащие, работники сферы обслуживания), (3) рабочие и (4) неработающие. Исходя из получаемого на члена семьи дохода, опрошенные были разделены на 4 группы: (1) те, чей доход ниже среднего, (2) те, у кого - средний, и (3) те, чей доход выше среднего по Эстонии, а также (4) все, кто отказался или не сумел ответить на этот вопрос.

Представления этнических групп об эстонском обществе

Как следует из анализа (см. табл. 1), для 68% и эстонцев, и русских эстонское общество представляется очень элитарным, т.е. соответствующим, по их мнению, моделям А и В. Относительно немногие считают, что социальное расслоение в Эстонии выглядит скорее эгалитарным (D или E). Что касается представлений об идеальном обществе, около трех четвертей как эстонцев, так и русских считают, что общество должно быть эгалитарным: и те и другие отдали предпочтение типам D и E. Правда, при этом тип E поддерживает почти треть эстонцев и лишь каждый пятый русский. Сторонниками элитарных моделей оказались лишь 7% эстонцев и 8% русских.

Таким образом эстонское общество образца первого десятилетия нынешнего столетия представлялось современникам вовсе не таким, каким они хотели бы его видеть. Большинство жителей Эстонии является сторонниками эгалитарной структуры общества, преобладающая же оценка современного общества как элитарного свидетельствует о критическом отношении к сложившейся модели дифференциации. Направленность оценок эстонцев и русских очень схожа в части как настоящего, так и идеала. Более того, в обеих этнических группах практически в равной мере (среди эстонцев 51%, русских - 48%) представлены критически настроенные люди, в мнениях которых сочетаются эти две доминирующие в обществе точки зрения (эстонское общество элитарно, а должно было бы быть эгалитарным). Социальные изменения в период трансформации не привели к формированию легитимной модели расслоения. Оценки явно не укладываются в схему, предложенную в западной литературе: якобы представление о том, "как должно быть" формируется исходя из того, "как оно есть в действительности".

Для уточнения характера влияния *этничности и самооценок успешности* на представления об обществе используется также логистическая регрессия (см. табл. 2). В каждом из столбцов представлены результаты анализа нескольких моделей логистической регрессии, характеризующие вероятность того, что индивид будет: считать эстонское общество элитарным (столбец а); что наилучшей для эстонского общества была бы эгалитарная модель (столбец б); критически относиться к устройству современного общества, предпочитая видеть его эгалитарным, но воспринимая его как элитарное (столбец с). Так, представленный в столбце (а) результат модели 1 согласуется с результатом, представленным в таблице 1: среди русских и среди эстонцев в равной мере одинакова вероятность встретить тех, кто воспринимает

Таблица 1

Распределение представлений русских и эстонцев о современной и идеальной моделях эстонского общества (%)

Этническая группа	Общество	Модели эстонского общества					
		А	В	С	Д	Е	Затрудняюсь ответить
Русские	Современное	44	24	19	6	3	4
	Идеальное	0	8	15	50	22	5
Эстонцы	Современное	36	32	16	11	2	3
	Идеальное	1	6	13	44	31	5

эстонское общество элитарным. Модель 2 явствует, что, как и следовало ожидать, представления о современном эстонском обществе различаются в зависимости от субъективного социального статуса, а также от самооценки последствий трансформации для себя лично: среди менее успешных больше, чем среди более успешных, вероятность найти людей, которым эстонское общество видится элитарным. Однако в рамках любой из этих групп представления об эстонском обществе у эстонцев и русских будут схожи (как это обнаружилось ранее и на уровне этнических групп в целом). Более того, указанный выше вывод не изменится, даже если принять во внимание объективные критерии социально-экономического положения (уровень доходов домохозяйства, профессиональный статус индивида, уровень его образования - модель 3): представления о современном эстонском обществе различаются у людей, по-разному оценивающих собственную успешность (даже если судя по "объективным" параметрам их социальное положение схоже), но в рамках этих "и объективно, и субъективно равных" групп этничность на представлениях об элитарности общества никак не сказывается.

Из анализа следует также, что равно как и в случае представлений об элитарности современного общества, этничность не оказывает значимого влияния на представления о том, должно ли было бы эстонское общество быть эгалитарным (столбец в, модели 1, 2, 3). Своеобразие русских культурных корней не сказывается на предпочтениях моделей общества. Влияют же на предпочтения скорее личные социально-трансформационные "корни" - самооценка успешности личного опыта трансформации (модели 2, 3). Субъективный социальный статус не оказывает значимого влияния на предпочтение идеальной модели, хотя и влияет на представление об элитарности существующего общества (см. столбец а, модели 2, 3).

Критичность по отношению к нынешней модели эстонского общества как недостаточно эгалитарной, также не является прерогативой какой-либо из этнических групп (см. столбец с, модели 1, 2, 3). Зато обнаруживается, что низкий социальный статус способствует более критичному восприятию общества и в случае, когда учтено влияние других составляющих социального положения.

Из приведенных данных еще не следует однозначно, что этничность в формировании представлений об эстонском обществе совершенно не при чем. Не исключена возможность, что в рамках каждой из этнических групп представления об обществе по-разному стыкуются с социальным статусом. Проверим эту возможность.

Анализ подтверждает предположение о неодинаковости механизмов формирования представлений этнических групп об обществе (см. табл. 3). Так, в случае идеальной модели у эстонцев практически не обнаруживается зависимости ее предпочтения от социального положения, в то время как у русских таковая зависимость налицо, особенно в случае победителей/проигравших. При этом распределение предпочтений и у проигравших, и у победителей совершенно неожиданное: эгалитарным предпочли бы видеть общество лишь 44% проигравших, в то время как среди победителей таковых уже 92%. Возможно, что именно среди проигравших, а также и среди других

Таблица 2

Принадлежность к этнической группе и самооценки успешности как факторы представлений об эстонском обществе (результаты логистической регрессии^a, N = 938)

Социальные группы	Представление об эстонском обществе		
	(a) элитарное	(b) идеал - эгалитарное	(c) элитарное, идеал же - эгалитарное
МОДЕЛЬ 1^b			
- эстонцы (референтная группа)			
- русские	0,97	0,83	0,87
R²	0,00	0,00	0,00
МОДЕЛЬ 2^c			
- эстонцы (референтная группа)			
- русские	0,90	0,86	0,83
Субъективный статус			
- низкий (референтная группа)			
- средний	0,65**	1,24	0,84
- высокий	0,52**	1,18	0,57**
В результате социальных изменений			
- проиграли (референтная группа)	0,70	1,45+	1,05
- не проиграли, не выиграли	0,52*	2,25**	0,90
- выиграли	0,41***	1,73*	0,72
- <i>молодые</i>			
R²	0,06***	0,03**	0,02**
МОДЕЛЬ 3^d			
- эстонцы (референтная группа)			
- русские	0,91	0,87	0,84
Субъективный статус			
- низкий (референтная группа)			
- средний	0,65*	1,15	0,84
- высокий	0,51**	0,92	0,52**
В результате социальных изменений			
- проиграли (референтная группа)			
- не проиграли, не выиграли	0,72	1,41	1,09
- выиграли	0,52*	1,90*	0,86
- <i>молодые</i>	0,38***	2,06**	0,76
R²	0,08***	0,08***	0,05***

^a В таблице представлены отношения шансов (odds ratios - отношение числа "успехов" к числу "неуспехов") - во сколько раз у представителей данной группы респондентов ниже/выше, чем у представителей референтной группы шансы придерживаться соответствующих представлений об обществе. "1" означает, что шансы данной и референтной группы равны, т.е. вероятность придерживаться упомянутых представлений об обществе не зависит от принадлежности к данным группам. Значения меньше "1" означают, что шансы придерживаться упомянутых представлений об обществе у представителей данной группы ниже, а значения больше "1" - что шансы у представителей данной группы выше, чем у представителей референтной группы.

*** доверительная вероятность $p < 0,001$

** $0,001 \leq p < 0,01$

* $0,01 \leq p < 0,05$

+ $0,05 \leq p < 0,1$

^b В модель включена только переменная принадлежности к этнической группе: модель 1 представляет собой сравнение представлений русских и эстонцев без учета каких-либо иных, кроме этнической принадлежности, факторов.

^c В модель включены переменные принадлежности к этнической группе, субъективного статуса и результата социальных изменений.

^d В модель кроме перечисленных выше включены также переменные профессионального статуса, дохода и уровня образования.

стр. 44

Таблица 3

Субъективный социальный статус, последствия социальных изменений и объективное социально-экономическое положение как факторы представлений этнических групп об эстонском обществе (% придерживающихся соответствующей точки зрения среди представителей данной социальной группы)

Социальные группы	Представление об эстонском обществе					
	(а) элитарное		(b) идеал - эгалитарное		(с) элитарное, идеал же - эгалитарное	
	русские	эстонцы	русские	эстонцы	русские	эстонцы
ВСЕ	68	68	72	75	48	51
Субъективный статус						
- низкий	79	74	65	73	53	55
- средний	59	65	79	78	45	51
- высокий	38	59	86	78	29	40
В результате социальных изменений						
- проиграли	79	82	44	76	40	63
- не проиграли - не выиграла	86	69	74	73	62	53

- выиграли	51	68	92	78	48	49
- <i>молодые</i>	57	58	78	78	43	43
Уровень образования						
- низкий	75	70	60	75	49	55
- средний	63	67	75	75	45	49
- высокий	70	68	83	80	57	51
Профессиональный статус						
- не работает	76	67	64	76	51	51
- рабочий	61	71	70	74	42	53
- умственный труд невысокой квалификации	64	64	84	73	51	44
- руководитель или специалист высшей квалификации	46	71	96	87	44	61
Доходы домохозяйства						
- ниже средних	83	65	69	75	60	51
- средние	77	75	67	77	50	58
- выше средних	57	65	86	81	47	50

менее удачливых русских респондентов, распространен отмеченный на Западе феномен, когда люди начинают принимать имеющееся общество (каким они его себе представляют) за норму. Правда, на Западе это во многом объясняется эффектом социализации, что неприменимо в постсоветской Эстонии, где большинство было социализировано в условиях предшествующего, а не существующего строя. Не исключено, что в отличие от Запада, здесь мы имеем дело с проявлением социального пессимизма.

Что касается моделей реального общества, то общая картина дифференциации представлений как русской, так и эстонской групп аналогична: среди считающих себя более успешными меньше склонных ощущать эстонское общество элитарным по сравнению с теми, кто себя успешными не считает. Однако поляризация мнений у русских больше, чем у эстонцев. Кроме того, у русских наибольший (86) процент считающих эстонское общество элитарным обнаружился не среди проигравших, а среди тех, кто не отнес себя ни к тем, ни к другим. Возможно, что среди этой группы много разочарованных: тех, кто надеялся стать победителем, но сделать это не удалось. Хотя критически настроенные представлены среди русских и эстонцев в равной степени, сконцентрированы они в разных социальных группах. В случае эстонцев таких больше среди тех, кто считает себя наименее успешным. Среди русских картина аналогична эстонской в части роли субъективного статуса, однако в самооценке результата социальных изменений самыми критичными оказываются те, кто не выиграл и не

стр. 45

проиграл. Среди считающих себя проигравшими доля критичных даже чуть меньше, чем среди выигравших. Самооценки успешности по-разному влияют на формирование представлений об обществе у русских и эстонцев. Особенно явственны эти различия в части самооценки успешности личного опыта трансформации.

Анализ позволяет выявить лишь часть картины: как влияет на видение общества принадлежность к каждой из рассмотренных групп в отдельности. В то же время два рассматриваемых измерения самооценок

успешности могут на индивидуальном уровне сочетаться по-разному. Например, среди тех, кто относит себя к среднему уровню современной иерархии, кто-то может считать себя проигравшим в результате трансформации, а кто-то выигравшим и т.д. Не говоря уже о том, что самооценки успешности и соответственно представления об обществе могут по-разному сочетаться с уровнем доходов, образования и профессиональным статусом. Логистическая регрессия (см. табл. 4) как раз и позволяет выяснить, как же восприятие эстонского общества зависит от каждой из самооценок успешности в случае, когда учтен статус индивидов относительно других измерений социального положения.

В верхней части таблицы приведены результаты анализа модели 1, в которую включены обе самооценки успешности, в нижней части - результаты анализа модели 2, дополненной также переменными уровня дохода домохозяйства, образования и профессионального статуса. Данные регрессионного анализа обеих моделей подтверждают вывод, что представление об эстонском обществе у эстонцев и русских по-разному зависит от самооценки их "трансформационной" успешности. У эстонцев эта самооценка никак не влияет на предпочтение эгалитарной модели общества, в то же время проигравшие с наибольшей вероятностью воспринимают общество как элитарное и соответственно среди них наибольшая вероятность встретить критически настроенных. У русских же наоборот, именно в части предпочтения эгалитарной модели наблюдается наибольшая дифференциация, так что проигравшие в наибольшей, а выигравшие в наименьшей мере склонны считать эту модель наиболее подходящей для эстонского общества. Русские проигравшие отличаются от других групп русских именно в силу наименьшего предпочтения эгалитарной модели и именно в сторону наименьшей критичности, тогда как эстонские проигравшие оказываются, наоборот, наиболее критичными в силу более распространенного восприятия реального общества как элитарного.

В то же время в результате регрессионного анализа (особенно модели 2) более четко, чем в случае процентного распределения, выявилось сходство этнических групп во влиянии самооценки нынешней успешности (социального статуса на момент опроса) на представления об эстонском обществе. И у эстонцев, и у русских люди, относящие себя к низшим ступеням общественной иерархии, несколько критичнее тех, кто относит себя к верхним ступеням. Чуть большая критичность оказывается результатом не различных представлений об идеале (предпочтения эгалитарного идеала от субъективного статуса не зависят), а в результате того, что среди людей, считающих свой социальный статус низким, больше тех, кто считает современное эстонское общество элитарным.

Таким образом, модель социальной стратификации эстонского общества образца середины настоящего десятилетия воспринималась и эстонцами и русскими как элитарная. В этом смысле она значительно отличалась от их идеала: большинство жителей Эстонии, в равной мере представленное и среди русских, и среди эстонцев, являются сторонниками эгалитарной модели общества. Модель социального расслоения, сложившаяся в результате социальных изменений в период трансформации, не является легитимной ни с точки зрения эстонцев, ни с точки зрения русских. Тем самым не подтвердилось наше предположение, что вследствие этнической сегментации при равном социальном статусе русские могут считать общество даже более эгалитарным, чем эстонцы. У Эстонии 2005 г. обнаружилось сходство с Россией: согласно

Таблица 4

Факторы представлений этнических групп об эстонском обществе (результаты логистической регрессии)^a

Социальные группы	Представление об эстонском обществе					
	(a) элитарное		(b) идеал - эгалитарное		(c) элитарное, идеал же - эгалитарное	
	русские	эстонцы	русские	эстонцы	русские	эстонцы

МОДЕЛЬ 1^b						
Субъективный статус						
- низкий (референтная группа)						
- средний	0,37**	0,80	1.05	1.29	0,53*	0,99
- высокий	0,19**	0,64+	1.23	1.24	0,26*	0,70
В результате социальных изменений						
- проиграли (референтная группа)						
- не проиграли, не выиграли	2.38+	0,51*	3.75***	0,83	3.24***	0,66+
- выиграли	0,55	0,55+	14.66**	0,96	2.30*	0,59*
- <i>молодые</i>	0,49+	0,37***	4.69***	0,93	1.49	0,48**
R²	0,20***	0,04***	0,20***	0,01	0,08**	0,03*
МОДЕЛЬ 2^c						
Субъективный статус						
- низкий (референтная группа)						
- средний	0,46*	0,74	0,89	1.22	0,60	0,96
- высокий	0,29*	0,55*	0,83	0,99	0,28*	0,60+
В результате социальных изменений						
- проиграли (референтная группа)						
- не проиграли, не выиграли	3.39*	0,47*	3.23**	0,83	4.16***	0,66+
- выиграли	0,64	0,50*	9.67***	0,89	2.46+	0,54*
- <i>молодые</i>	0,58	0.31***	5.83***	1.06	2.06+	0,46**
R²	0,32***	0,07***	0,27***	0,05+	0,20***	0,06**
N	213	725	213	725	213	725

^a, *, **, *** См. примечание к таблице 2.

^b; В модель включены только переменные субъективного статуса и результата социальных изменений.

^c В модель кроме перечисленных в ^b включены также переменные профессионального статуса, дохода и уровня образования.

данном международном исследовании в то же время 68% считали, что их общество должно быть эгалитарным.

Однако как показал анализ зависимости дифференциации представлений об обществе от социально-экономического положения, в Эстонии за сходством итоговых цифр скрываются различающиеся у этнических групп логики формирования этих представлений. У эстонцев обе анализируемые самооценки

успешности (нынешнего социального статуса и результата трансформации) одинаково влияют на формирование представлений об обществе: люди, считающие себя менее успешными, более критичны по сравнению со считающими себя более успешными. Такое распределение критичных представлений вполне согласуется с западными теориями. Однако логика формирования представлений отличается от западных объяснений. В нашем случае скорее высшие по статусу "подгоняют" свое (менее элитарное) восприятие общества под доминирующий в обществе (эгалитарный) идеал, в то время как западные теории приписывают подгонку восприятия действительности под доминирующий идеал низшим слоям общества.

У русских в Эстонии логика формирования представлений об обществе еще меньше согласуется с приведенными выше теориями. Во-первых, она варьирует в зависимости от типа самооценки, будучи аналогичной эстонской в случае субъективного

стр. 47

социального статуса, однако еще более своеобразной в случае оценки личного трансформационного успеха. Мало того, что в плане критичности антиподами у русских являются не победители и проигравшие, а проигравшие *versus* те, кто не выиграли и не проиграли. Проигравшие при этом являются наименее критичными, поскольку они в наименьшей мере поддерживают эгалитарный идеал общества. Возможно, что такой результат объясняется тем, что для этнических групп оценка личного опыта трансформации важна не только сама по себе, но и в связи с оценками последствий трансформации как для общества, так и этнической группы в целом. Есть основания полагать, что механизмы соотнесения этих разного уровня опытов различаются по этническим группам: в отличие от русских эстонцы в своих оценках скорее всего не различают уровней своей этнической группы и общества в целом.

Будущие исследования могут показать, какова роль соотнесения опытов трансформации индивида, этнической группы и общества в целом в восприятии общества представителями этнических групп. Однако уже сейчас можно утверждать, что своеобразие логики формирования представлений об обществе у этнических групп в гораздо большей степени зависит от опыта трансформации, чем от различий в базовых культурных ценностях. В противном случае различались бы представления этнических групп об идеале общества, а существующее общество воспринималось бы сквозь призму идеала, однако ни того ни другого обнаружить не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wegener B.* The illusion of distributive justice // *European Sociological Review*. 1987. Vol. 3. No. 1. P. 1 - 13.
2. *Robinson R.V.* Explaining perceptions of class and racial inequality in England and the United States of America // *The British Journal of Sociology*. 1983. Vol. 34. No. 3. P. 344 - 365.
3. *Kelle, J., Evans M.D.R. and Bean C.* II The National Social Science Survey, 1989 Round. National Social Science Survey Report 2(6), 1991. Supplement.
4. См., напр.: *Pakulski J. and Waters M.* The Death of Class. London: Sage Publications, 1996; *Beck U. and Lau C.* Second modernity as a research agenda: theoretical and empirical explorations in the 'meta-change' of modern society // *The British Journal of Sociology*. 2005. Vol. 56. No. 4. P. 525 - 557.
5. См., напр.: *Aalberg T.* Achieving Justice: Comparative Public Opinion on Income Distribution. Leiden and Boston, MA; Brill, 2003; *Svallfors S.* The Moral Economy of Class: Class and Attitudes in Comparative Perspective. Stanford: Stanford University Press, 2006.
6. Statistical Yearbook of Estonia 1990. Tallinn: Statistical Office of Estonia, 1990.
7. См., напр.: *Leping K. -O., Toomet O.* Emerging ethnic wage gap: Estonia during political and economic transition // *Journal of Comparative Economics*, 2008. Vol. 36. No. 4. P. 599 - 619; *Helemae J., Saar E.* Estonian

way of globalisation. Globalisation in Estonia as advantageous for youngsters and ethnic Estonians. TransEurope Research Network, Working Paper No. 9, 2008. P. 1 - 24.

8. *Homans G.* Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974; *Berger J., Zelditch M., Anderson B. and Cohen B.P.* Structural aspects of distributive justice: a status-value formulation // Sociological Theories in Progress. Boston: Houghton Mifflin, 1972. P. 119 - 146.

9. *Plotnik H., Kazjulia M.* Sotsiaalne oiglus trukimeedia kajastuses (на эст. яз.: Социальная справедливость в зеркале печатных СМИ) // Sotsiaalse oigluse arusaamad Eesti uhiskonnas (на эст. яз.: Представления о социальной справедливости в эстонском обществе) // Ed. Plotnik H. Tallinna Ulilooli Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut, 2008.

10. *Lohmus K.* Kas inimese isiklik edu mojutab tema ettekujutust Ohiskonnast? // Trepist alia ja ules: Edukad ja ebaedukad post-sotsialistlikus Eestis / Toim. E. Saar, 2002. Lk. 256 - 274.

11. *Moscovici S.* The phenomenon of Social Representations // Social Representations. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1984. P. 28 - 49.

12. См., напр.: *Kelley J., Evans M.D.R. and Bean C.* II The National Social Science Survey, 1989 Round. National Social Science Survey Report 2(6), 1991. Supplement; *Evans M.D.R., Kelley J. and Kolosi T.* Images of Class: Public Perception in Hungary and Australia // American Sociological Review, 1992. Vol. 57. No. 4. P. 461.